она к своему *самоосмыслению*, обязана будет осознать, что у нее нет и не может быть никаких *своих* проблем — замкнутых тем самым в рамках отдельной и особой дисциплины теории литературы.

И коль скоро это так, то это и есть первый шаг и к осмыслению теории литературы и к формированию ее так называемых «актуальных задач». Ясно, что теория литературы — это не отдельная дисциплина, а только известный *аспект* науки о литературе или, шире, всего знания о литературе.

Надо думать, что разделение науки о литературе на отдельные дисциплины истории и теории, которое отразилось в нашем сознании и получило выражение и «институционализацию» в читаемых курсах лекций, не относится к числу вечных и неотменяемых. Такое разделение могло существовать, пока кто-то мог еще верить в возможность существования такой *общей* теории, которая поднимается над историей и, обобщая в своих положениях неведомо что и неведомо как, распространяет затем свои положения даже и на те области истории литературы, какие ей вовсе не ведомы. Время такой самоуверенной теории, надо полагать, совсем и без остатка прошло, а тогда теорию литературы, иначе говоря, известный аспект нашего знания о литературе, можно себе представлять в качестве самого высокого из доступных нам *уровня осмысления* вообще всего, что известно нам о литературе.

Однако, если только есть такой самый высокий из доступных нам уровней осмысления, то он в свою очередь разделится на несколько этажей-уровней. Таковых по меньшей мере *два*:

1) уровень, на котором доступное *нам* (т. к. всякий раз кому-то из нас, работающих в области науки о литературе) знание о литературе продумывается в плане возникших в нем общих идей и тем;

2) другой уровень, возвышающийся над первым,— тот, на котором осмысляется вообще все, что когда-либо продумывалось в знании о литературе и что так или иначе складывается в свою *историю*.

Можно было бы выделить еще и тот уровень, где сама наука осмысляет самое себя, свою суть; но, по всей вероятности, такое осмысление и совпадает с осмыслением наукой *своей истории в ее существенности*, а это и есть только что названный второй этаж-уровень.

Кроме того, нельзя не заметить, что, *с одной стороны*, оба названных этажа-уровня прекрасно сообщаются между собой, но что, *с другой стороны, осмысление в науке сущности самой науки* — это самая запущенная область нашего знания; это же и наименее понятная область науки о литературе. Она же и наиболее запущенная, потому что наименее понятая.

Литературоведческая мысль по большей части совершается по инерции, и так, по инерции, в простом (полуслепом) следовании выученному и работает большинство литературоведов.

Отсюда, в частности, следует и то, что та теория литературы, которая вычленилась в качестве отдельной дисциплины литературоведения, нимало не отвечает тому, к чему призвана теория: пусть она и теоретизирует, но она не осмысливает сама себя; пусть она теоретизирует в плане сложившейся традиции, но она не рефлектирует эту традицию и т. д. И нужна совершенно другая *теория*, более принципиальная, более высокая и несравненно лучше *знающая себя*, нежели прежняя и еще и нынешняя «инерционные» теории.

Однако, если эта будущая теория литературы и будет более высокой и более отвечающей смыслу теории как *непременного осмысления* самой себя, то это *не* значит одного: что эта теория будет возноситься над всем нашим знанием о литературе — знанием по преимуществу и в глубине своей *историческом*.

Такая теория *по* тому, как вообще можно ее *за*мыслить и *по*мыслить, не возносится *над* знанием — она *проникает* собою знание и выступает *из* него. А самый высокий уровень занят ею лишь в логическом плане. Такая теория *объемлет* собою все знание, а потому *есть это* знание в его мыслимой широте. О такой теории можно сказать, что она идет вслед за всем, а за нею ничего уже не